

Андрей Кокоулин

**Марсио
Герра
ПРОТИВ
судьбы**

Андрей Кокоулин
Марсио Герра против судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28954360

ISBN 9785449029102

Аннотация

Рассказ. Фэнтези. Мистика. Это повествование о коротком жизненном и посмертном пути Марсио Герра, всадника, капитана Эсприльи.

Марсио Герра против судьбы

Андрей Кокоулин

© Андрей Кокоулин, 2018

ISBN 978-5-4490-2910-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Меня зовут Марсио Герра.

Везде и всюду. На все времена. Я – Марсио Герра, капитан Эсприльи, всадник-мускарон, сын своих родителей. Я – Марсио Герра.

Проклятие самому себе.

Бертино был маленький грязный городок, похожий на все городки Левиты разом. Камень, хворост и глина – строительный материал. Солома на круглых крышах. Колокольня у ворот. Городская площадь – пятьдесят шагов из конца в конец. Она же торговая, она же единственная. Она же место чтения королевских эдиктов и место казни.

В те дни на ней выступали хелеванты – бродячие артисты. Играли смешные сценки, кувыркались и танцевали на потеху

публике.

Йолла была среди них.

В двадцать семь неполных лет я успел поучаствовать в четырех военных кампаниях – дважды против Пелузы, один раз против Картаджи и – в отряде наемников – за Пелузу против Реджио. Особой славы не снискал, но и в накладе не остался.

Пятая кампания под началом Амбуаза Теффино, будущего короля Эсприльи, закончилась для меня, едва начавшись. В одной из первых стычек копье савадора пробило мне шлем и едва не вскрыло череп. Левый мой глаз навсегда налился кровью, а за виском появилась длинная неровная борозда. Моя голова на ровном месте неожиданно стала взрываться дикой, раскалывающей болью, от которой хотелось орать в голос и кого-нибудь убить. Даже самого короля, попадись он под руку.

«Белинос» значит «бешеный». Так меня стали звать.

Мой приятель Эрца Пинаре считал, что Бертино – лучшее место для ночлега.

Теффино щедро расплатился с нами и ввиду ранения в сопровождении верных друзей отпустил меня на две недели домой, в Герраско.

Будущему королю предстояли важные переговоры, и, как я понимаю, мое присутствие его несколько нервировало. Го-

ворили, он застал меня в припадке и пришел в ужас от моего красного глаза.

День клонился к вечеру. Нас было пятеро. Мы пустили лошадей трусой. Расположившийся в низине городок был хорошо виден с высокого холма – желтые и светлые пятна, оттененные уступами виноградников на соседнем холме.

– Ламаганти! – целовал Эрца Пинаре кончики своих пальцев. – Это же сказка, а не вино! Красное, как кровь. Клянусь, лучшее в Левите.

– А жирный свиной бок? – спрашивал он через мгновение. – Ели когда-нибудь? В гороховой подливке с чесноком?

– А девушки!

Эрца Пинаре закатывал глаза.

Мы все смеялись.

В Бертино не было ворот. Не было даже стражи. Вернее, она была, но решила отужинать в таверне через улицу. Пинаре выдвинулся вперед, показывая нам путь и распугивая горожан. Такие бравые мускароны, как мы, конечно, обязаны были прогарцевать через площадь. Нагрудники, перья, плащи! Грязные сапоги и пыльные морды. Хернан Арамаго даже взвил жеребца на дыбы, объявляя о своем появлении.

Вечер. Горели масляные фонари. Хелеванты грелись у жаровен, негромко звучала лютня и постукивал тамбурин.

Йолла сидела под фонарем, слегка отстранившись

от остальных.

Я помню, мой взгляд нашел ее и больше не отрывался. Я не смотрел, куда скачу. В результате мне чуть не снесло голову вывеской местного сапожника. Возможно, так было бы и лучше. Но вывеска просвистела мимо, обдав опасным ветерком волосы, а мой сообразительный Сталот вынес меня с площади вслед за моими друзьями.

Нет, она была прекрасна.

Фонарь покачивался, и ее лицо казалось зыбким, сплетение теней и позолоты света. Изумительное лицо. Йолла о чем-то задумалась, и ее глаза, светло-голубые, смотрели поверх крыш, а тонкий палец подпирал кончик носа, и в этом жесте было столько непосредственности и красоты, что всем королевским фрейлинам, жеманницам и куртизанкам, следовало бы удавиться на месте.

Уже тогда я понял, что она будет моя.

– Вы видели ее? Видели? – вот и все, что я мог сказать, осаживая своего жеребца у коновязи. – Вы видели ее?

– Кого? – спросил Пинаре.

– Уж не смерть ли? – расхохотался толстяк Арамаго.

Вокруг нас сновали мальчишки, расседывая жеребцов и помогая нам с одеждой. Горбун собирал плащи на стирку. Девчонка лет пятнадцати вытирала полотенцем лицо нашему красавчику Луи, а тот беззастенчиво шупал ее за задни-

цу. Хозяин гостиницы, подобострастно улыбаясь, светил нам от крыльца.

– Я видел, как ты чуть не лишился головы, – сказал светловолосый Меррак. – Парни, нашего Марсио едва не убил сапожник.

– О, это была бы бесславная смерть! – прогудел Арамаго.

– И нам пришлось бы отомстить вывеске! – добавил Меррак.

– Дурачье! – фыркнул я.

– Доброго вечера, доброго вечера, – кланялся нам хозяин.

Он посадил нас рядом с очагом. Тут же чумазый мальчишка крутил насаженного на вертел поросенка и глотал слюни и дым. На меня, на мой красный глаз он смотрел с испугом.

– Веселей крути, – хлопнул его печаткой по макушке Арамаго.

– Да, господин.

Надеясь на мелкую монету, мальчишка налег на вертел.

– Щенок!

Арамаго кинул ему эставо.

Мы заказали вина (конечно же, ламаганти) и свиной бок. Пинаре подбросил в воздух серебряный двойной фарт, и хозяин гостиницы поймал его, прихлопнув, как муху. Пока готовилось основное блюдо, мои спутники пробавлялись тушеными овощами и жареной в виноградных листьях курицей. Хозяин, пыхтя, принес бочонок ламаганти и разлил ви-

но по кружкам.

Фонарь на цепи и огонь очага спорили между собой, кто родит больше света.

– Так кого ты видел? – спросил меня Эрца Пинаре, заметив, что я не пью и не ем, лишь задумчиво вожу пальцем по ободу кружки.

– Я знаю, – ухмыльнулся Луи, подкрутив усы.

– Так скажи нам, – потребовал Арамаго. – Ей-богу, эта тайна начинает меня бесить. Почему я не видел ничего?

– Она – моя, – сказал я, посмотрев на друзей своим кровавым глазом. – И это не обсуждается. Или найдутся претенденты?

– О, нет, – улыбнулся Пинаре.

– О, нет, – качнул головой Луи.

– Она? – удивился Арамаго.

– Девушка из хелевантов, – пояснил я.

– Они что, были на площади? – спросил толстяк.

– Были.

– Дьявол! То-то я думаю, чем так отвратительно тянет от жаровен. Эти хелеванты жарят и жрут лягушек и сверчков.

– Она точно не будет такое есть, – убежденно сказал я.

Луи хлопнул меня по плечу.

– Она действительно не дурна собой, мой друг, – сказал он. – Но эти артисты... Я бы не связывался.

– Почему?

– К ним не все в порядке с головой.

– А у меня? – спросил я.

Луи без тени страха выдержал взгляд моего красного глаза.

– Да, мой друг, ты можешь с ними посоперничать, – сказал он.

Я поднялся.

– Я иду к ней!

– Эй! – обиженно крикнул мне в спину Арамаго. – Почему посреди ужина-то?

Ночи в Левите всегда полны лунного света. Свет этот зыбок, а тени, порождаемые им, обманчивы и чудны. Зато клинок, на палец приподнятый в ножнах, предупреждающе поблескивает издалека. Бертино, возможно, тих и сонен, но один Бог знает, какие ему могут сниться сны и какие на сонных улочках могут встречаться люди.

Пусть Левита всегда оставалась в стороне от военных кампаний, это не спасало ее от дезертиров, разбойников и прочих лиходеев, растекающихся по округе в поисках убежища или легкого заработка. Бертино в этом смысле был несколько не лучше Марагоньи, Скуале или Бертильоны.

И что это там? Куст или человек?

Посвистывая и не выпуская странную тень из поля зрения, я направился вдоль выбеленной Луной стены, ограждающей

дом справа.

– Прекрасная ночь, не правда ли? – сказал я, подойдя ближе.

Тень качнулась, словно соглашаясь.

– Не вежливо молчать, когда с вами разговаривает мускарон.

Снова молчание.

Я почувствовал, как кожа стягивается на лице в маску, в гримасу неудовольствия. А дальше боль, будто пушечное ядро, пущенное из бомбарды, взорвалась в моей голове, и, кажется, я что-то исступленно кричал, размахивая толедским клинком, и скакал по улице, ведя воображаемый поединок.

Длилось это не долго, минут десять спустя я обнаружил, что, сбросив камзол, стою напротив жестоко посеченных кустов тамариска, всюду рассыпаны ветки и листья, а в пяти шагах онемело тарашится на меня прибежавшая на шум стража – трое упитанных усатых мужиков с алебардами, которые, похоже, не знают, что вообще делать. Никакого смертоубийства вроде не происходит и не ясно, тюкать меня алебардой или пока погодить.

– Се... сеньор?

Я поднял камзол.

– Все в порядке, – сказал я стражникам, – повздорил с одним кустом.

Они дружно перекрестились, увидев мой красный глаз. Я

усмехнулся.

– Хотите проводить меня до площади?

От жаровен действительно несло какой-то странной смесью запахов.

Тесной кучкой, сгрудившись у огня, ели дети, выхватывая из углей корявые куски мяса. Отблески огня делали их лица жуткими. В больших глазах плясали язычки пламени.

В поисках Йоллы я прошел дальше. Хелеванты, похоже, не собирались ложиться спать – часть их занималась хозяйством, остальные репетировали завтрашнее выступление. Шестеро строили пирамиду и рассыпались, кувыркаясь, на отдельные фигуры. Ап!

Они были как механизм, который складывается сам по себе. Я видел такой у одного мавра. У него была бронзовая птица с глазами из сердолика. Он разбирал ее на части, отдельно – тело, голова, хвост и крылья, но стоило потянуть за связывающую их нить, как они без его участия опять собирались вместе.

Здесь было очень похоже.

Несколько мгновений – и пирамида выростала снова, тонкая фигурка на самом верху, стоя на плечах нижестоящего, скидывала руки, а затем, изворачиваясь, упиралась ладонью в чужую голову и взлетала к луне ногами.

Ап!

Рядом жонглировали яблоками и мисками, перекидывали

их друг другу бородач и пышных форм женщина в платье, расшитом звездами. Карлик звонко вбивал ножи в деревянный круг. А дальше, на канате, натянутом между двух шестов...

Я смотрел, как она идет по канату, в чулках и в коротких буффах, в открытой куртке без рукавов и шнуровки, надетой на тонкую рубашку, вся похожая на ловкого и бесстрашного мальчишку, и думал, что увезу ее в Герраско.

Жена из хелевантов, да.

– Лови! – крикнул снизу тощий парень в широкополой шляпе.

В лунном свете блеснул клинок. Капуйский, с расширяющимся к острию лезвием. И далеко не новый. Мне были видны многочисленные зазубрины.

Ап! Йолла ловко поймала клинок за рукоять, едва заметно присев. Мгновение – и она выпрямилась, развернулась на носках и поклонилась невидимой публике.

– Хорошо. Яблоко!

Парень высоко вверх подбросил плод.

Клинок прочертил в воздухе серебристую линию, половинка яблока улетела во тьму, мелькнув белым, срезанным боком, вторую половинку поймал я.

– Еще проход, – сказал парень и обернулся ко мне: – Любопытствуете?

– Да, – кивнул я.

– Приходите на представление, – сказал он. – Всего три эставо.

Я дал ему серебряный фарт.

– Как ее зовут?

Парень усмехнулся.

– Йолла.

– Пусть спустится ко мне.

– Мартышка, ты слышала? – задрал голову парень.

– Еще бы!

Ап! Оттолкнувшись от каната, Йолла сделала сальто и приземлилась около меня в коротком всплеске песка. Улыбка, светло-голубые глаза. Я, Марсио Герра, умер.

Мы отошли в зыбкую тень стены.

Мой красный глаз и неровный череп не произвели на Йоллу отталкивающего впечатления. К хелевантам прибивается много уродцев, так что, возможно, я был не самый страшный.

– Чего вы хотели, сеньор?

Она заложила руки за спину.

– Я – мускарон, капитан Марсио Герра, – сказал я.

– Я вижу, у вас камзол в цветах Эсприльи.

– Да.

Я умолк. Мы смотрели друг на друга. Я видел насмешливое недоумение в ее глазах.

– Так что вам надо, капитан Герра?

Я протянул ей скудо.

– Это за ночь.

Она рассмеялась.

– Вы щедры, мускарон.

– Мало?

– А вы готовы на большее?

Я прибавил к скудо еще два.

– Вот!

– За ночь?

– Нет. Я беру тебя в жены.

– Тоже на ночь?

– Навсегда!

– Вот как? – удивилась Йолла. Глаза ее все еще смеялись. –

Вы ведь совсем не знаете меня, капитан Герра. А вдруг я храплю? Или без меры прожорлива? Или совсем не так хороша в постели, как вы себе представили?

Я мотнул головой.

– Ты будешь моей так или иначе.

Йолла посерьезнела.

– У вас недобрый глаз.

– Пять скудо!

– Чего он хочет? – спросил у Йоллы появившийся из тьмы парень в шляпе.

– Мы торгуемся, – сказала девушка.

– Что на кону?

– Я.

Парень присвистнул.

– Почему мне раньше не пришло это в голову? В Тюльпери, помнишь, я мог бы купить тебя за рогалик.

Луна выбелила его глумливую физиономию.

– Заткнись! – рявкнул я. – Пятнадцать скудо!

Весь цирк хелевантов мог жить на эти деньги два, а то и три месяца.

– Сеньор, – сказала Йолла негромко, – даже за все сокровища Саламанки, боюсь, я не смогу быть с вами.

Королевский эдикт об изгнании и изъятии земель в пользу казны было бы принять легче, чем ее слова.

– Почему? – выхрипел я.

Глаз мой начало дергать.

– Потому что я вас не люблю, – сказала девушка.

– Это не имеет значения. Пятнадцать скудо! – я протянул мешочек с монетами парню. – Выкупаю ее.

– Я не могу решить это сам, – сказал парень.

Мне почудилось, что он подмигнул Йолле. В левой половине моей головы начал медленно нарастать шум. Жаркий шум пожирающей разум боли.

– Кто может решить?

Парень почесал лоб под шляпой.

– Майнис разве что, – сказал он.

– Веди к Майнису, – потребовал я.

– Майнис – это круг, общее собрание, – пояснила Йолла.

– Пусть будет круг.

Мы вернулись на площадь.

Репетиции закончились. Дети исчезли. Вместо них у жаровен теснились женщины и мужчины. Женщины были в длинных цветастых юбках, в свободных блузах, в платках. На каждой поблескивало монисто из медных монеток или бусин жемчуга. Некоторые курили, дымки вились из длинных трубок. Мужчины в подоткнутых до колен штанах, в свободных рубашках, босые, сидели у них в ногах и передавали по кругу ковш с вином.

Кто пил, не забывал частицу вина подарить жаровне. Искры взвивались к пятнистому диску Луны.

– Энасме.

Йоллу и парня в шляпе встретили взмахами рук. Подвинулись, высвободили место. Парень тут же подсел к седому, но крепкому старику и принялся шептать ему на ухо.

Я встал перед жаровней.

Искры грозили издырять и поджечь одежду, но мне не было дела ни до искр, ни до одежды, Я смотрел, как Йоллу принимают в круг, как какой-то мужчина обнимает ее за талию, хотя его руки и были скрыты во тьме, как она улыбается и тянется за длинной трубкой.

Кровь во мне кипела.

– Хоэр! – сказал вдруг старик.

Общество у жаровни притихло.

– У нас здесь высокородный мускарон просит нашего ответа.

Йолла затянулась дымом и мельком взглянула на меня.

– О чем просит мускарон? – подал голос кто-то невидимый.

Старик принял дошедший до него ковш, глотнул и сплюнул в огонь.

– Он дает деньги за нашу хэфе, хочет, чтобы мы ее отпустили. Большие деньги дает. Думает, мы ее держим.

– Пятнадцать скудо, – сказал я.

Кто-то потрясенно выдохнул. Звякнуло монисто.

– Он хочет взять Йоллу в жены, – произнес старик. – Взять без ее согласия, и надеется, что мы ему поможем.

Среди мужчин и женщин возник ропот.

– Жигу ему в бок! – услышал я.

– Без согласия?

– Кто он такой? Хелеванты – вольный народ!

– Хэфе сами решают, с кем им спать!

Я сжимал зубы так, что заныли десны.

– Хоэр! – снова прикрикнул старик.

Опять стало тихо. Только угли потрескивали. Луна приглушила свое сияние. Но, может быть, потемнело у меня в глазах.

– Что мы ответим мускарону? – спросил старик.

– Вам лучше ответить «да», – прошипел я.

Мешочек с золотом, перелетев жаровню, упал старику

на колени, но не удержался, свалился, звякнув на земле.

Он не поднял его.

– Майнис говорит так, – помолчав, сказал старик. Седая голова его вскинулась, в темных глазах сверкнул огонь. – Йолла – вольная хэфе, и, значит, только ей предстоит решать, давать тебе согласие, мускарон, или нет. Если она скажет «да», то так тому и быть, мы не станем преградой у нее на пути. Но если она скажет «нет», тебе, мускарон, надлежит принять это со смирением и без злости.

Я подумал: «Черта с два!», но кивнул, едва сдерживаясь. Мой глаз горел, казалось, искры от жаровни залетели в глазницу.

– Пусть скажет.

– Йолла, – кивнул старик.

Девушка встала.

– Капитан Марсио Герра, возможно, вы – хороший человек...

Я скривился.

– Но я говорю вам: «Нет». Я не люблю вас, ка...

Крик вырвался из меня.

– Вы! Все вы!

Наверное, я бы убил кого-нибудь уже тогда.

Боль вспыхнула и разорвала меня на части. Я взревел и опрокинул жаровню. Помню, как закричали, подались назад женщины, как завскакивали мужчины.

– Убью!

Кто-то прыгнул на меня сзади, сдавил горло, и мне не удалось достать клинок. Я боднул противника затылком, но на меня кинулись сразу несколько человек, подняли, потащили за руки и за ноги с площади. Как я не изгибался, какие проклятия не кричал, какими карами не грозился, они не отпустили меня, пока не донесли до двора гостиницы.

– Эшуд! – плюнул кто-то мне в лицо.

Удар о землю выбил из меня дух.

Мешочек с деньгами кинули следом, он шлепнулся мне на грудь. Я захохотал. Теперь я точно знал, что Йолла будет моей.

Хелеванты убрались, оглядываясь.

Первым меня, отряхивающего грязь и дерьмо с камзола и штанов, заметил Меррак. Он вышел на крыльцо помочиться и, случилось так, что едва не помочился на меня.

– Марсио!

– Да, это я, – сказал я, стоя на нетвердых ногах.

– Дьявол, что с тобой случилось?

Я стер со щеки кровь.

– Я не понравился им, как жених.

– Эрца! Луи! – крикнул в направлении дверей Меррак.

Мои пьяные друзья не заставили себя ждать.

– Что тут? Кто здесь?

Они, пошатываясь и белея рубашками, встали у перил.

За ними из гостиницы вывалился Арамаго в одном сапоге.

– Друз-зья, я тоже хочу осв-вежиться!

Сапог бухал по доскам.

– Почему без меня? О-йо! – Арамаго сфокусировал зрение на мне. – Друг! Ты очень похож на моего капитана! Его з-зовут Марсио!

Разобраться с хелевантами решили единогласно.

Разбойничий налет, по словам Арамаго, следовало начинать «прямо вот сейчас». Выкрасть девчонку, пустить огня в повозки, показать проклятым циркачам, что мускаронов Эсприльи нельзя отвергать без последствий. Железо и петух! Требуя немедленных действий, Арамаго стучал по столу клинком, а потом, когда его отобрали, снятым с ноги воюющим сапогом.

Бум! Бум! Бум!

– Друг мой Марсио, ты должен быть отмщен!

Я ухмыльнулся.

– Нет, мы не будем торопиться.

Боль колола изнутри, и я жмурился и то и дело давил на висок ладонью.

– Мне не нравится твой глаз, – озабоченно сказал Пинаре.

– Он мало кому нравится, – ответил я.

– Ты видишь им?

Я закрыл целый глаз. Мир вокруг, и так не слишком светлый, потемнел и утратил четкость. Лицо Пинаре оплыло

в жуткое розовое пятно.

– Дьявол!

– Он будто готов взорваться.

– Это точно, – подтвердил Луи и дал мне скрученный шелковый платок. – Лучше спрячь его под повязку.

– Вот что, – сказал я. – В городе мы на них нападать не будем. Здесь они под защитой короля.

– И куча свидетелей, – сказал Меррак.

– И городская стража, – добавил Луи.

Арамаго презрительно фыркнул. Толстого мускарона с сапогом мало волновали озвученные препятствия.

– По эдикту бродячие артисты могут давать представления в городе не более четырех дней, – сказал я, – значит, сегодня или завтра они отправятся в сторону Горгочи или Шуана. Мы будем следовать за ними, пока они не остановятся на привал. Нас будет пятеро против тринадцати взрослых, включая карлика, и шести детей.

Эрца Пинаре задумчиво пощипал бородку.

– Ты хочешь...

– Нет, – сказал я, – я хочу только Йоллу. Остальные циркачи меня не интересуют.

– Но если они потом доберутся до Горгочи?

– Пусть!

– Подадут жалобу королевскому прокурору...

Арамаго пьяно хохотнул. Прокурор – это смешно. Циркач

против мускарона в королевском суде – еще смешнее.

– И что? – спросил я. – Я – капитан Марсио Герра, владетель бье Лонфор, всадник короля. А они? Бродяжье племя.

– Ты знаешь, – поморщился Пинаре, – Теффино захочет показать себя справедливым сюзереном. Не сомневайся, это дело дойдет до него.

– И нас не эстетично повесят, – сказал Луи.

– Кроме того, твой глаз, – вздохнул Эрца.

– Что мой глаз? – я потрогал повязку.

– Король боится его.

Выход придумал Меррак.

– Мы замотаем лица, – сказал он.

– Марсио все равно опознают, – мрачно сказал Пинаре.

– И что? Он заплатит за девушку. Сколько ты готов за нее заплатить? – повернулся ко мне Меррак. – На рынке в Басонье нубийский слуга стоит до семи скудо, за редкие экземпляры дают десять, иногда одиннадцать.

– Десять я готов, – сказал я.

Пинаре качнул головой. По его меркам это было расточительство.

– Тогда все замечательно! – воскликнул Меррак. – Если хелеванты обращаются к прокурору и говорят, что мы выкрали девушку из общины, ты говоришь, что выкупил ее по праву мускарона, и совершенно не важно, возьмут они твои деньги или к ним даже не притронутся. Если же, по их

словам, твоя добыча окажется вольной девушкой, то какие жалобы к прокурору? Пусть девушка и жалуется.

– Ее могут попросить предъявить, – сказал Луи.

– Думаю, за это время наш Марсио покажет себя с самой лучшей стороны, и девчонка не подумает сказать и слова против него.

– Или мы скажем, что она сбежала, – сказал я.

– Что вы все – бе-бе, бу-бу, – заплетающимся языком про-изнес Арамаго и, положив сапог под щеку, густо захрапел.

Эрца посмотрел на него.

– Да, пора и нам, – сказал он.

Я пил в одиночестве всю ночь. Эрца, Луи и Меррак раз-бредились по комнатам. Арамаго храпел под боком. Прислу-живавший нам мальчишка, свернувшись калачиком, лежал на дальней лавке. На кухне шуршали мыши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.